

ПРОЗА А.П. ЧЕХОВА: АРХЕТИП ЕДЫ

В чеховской художественной системе с ее «эстетикой повседневности» уместна и органична еда. Упоминание пищи рядом с портретами, костюмом, интерьером и т.д. превращает текст в однородно-линейное целое; однако, вертикальные связи, возникающие вследствие явления, напоминающего «тесноту стихового ряда», и реализующие «память культуры», разрушают эту линейность: вещное, пластическое обретает многозначность¹.

Архетип еды, сопрягая глубинные слои текста, моделирует текст. Как отмечает О.М. Фрейденберг, «еда, – центральный акт в жизни общества – осмысливается космогонически; в акте еды космос (тотем, общество) исчезает и появляется... Тотемистический характер такой еды сказывается в том, что акт разрывания и разгрызания представляется актом бессмертия, слияния человека и тотема, человека и космоса» [Фрейденберг, 1997: 64]. Так, космогоническая семантика еды обнажает законы текстопорождения, тончайшие связи эпизодов и мотивов, не осознаваемых при первом чтении. Располагаясь в различных сегментах текста, «еда» становится конструктивным узлом, стягивающим нити сюжета².

«Учитель словесности»: «молоко», «сыр» и «мармелад». В «Учителе словесности» нет развернутого описания застолий: как правило, есть лишь намек на трапезу – номинативно обозначенный общий план – или мозаичное упоминание некоторых продуктов с укрупнением деталей, связанной с особым эстетическим заданием.

Новелла «Учитель словесности» соприкасается с жанром идиллии³, что во многом связано с нарративом, организованным точкой зрения центрального персонажа – Никитина: во время жениховства жизнь в его представлении – это загородные романтические прогулки, сад,

¹ См. в работах В.Шмида о прозе как поэзии [Шмид, 1998].

² В этом смысле справедливо замечание З. Хайнади относительно семантики сада в новелле «Невеста»: «Художник тогда нуждается в праобразах, когда глубинная правда бытия не может быть выражена непосредственно, а только с помощью архетипических топов и мифологических символов, которые показывают суть невидимого (трансцендентальную идею) изображениями видимой действительности. Итак, сад в контексте имеет одновременно прагматическое и трансцендентное значение. По словам Карла Густава Юнга, «тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов..., он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...» (цит. Аверинцев 1980–1982: I/110)». На наш взгляд, это справедливо и по отношению к еде в текстах Чехова.

³ См. о жанре: Попова Т.В. Буколика в системе греческой лирики // Поэтика древнегреческой литературы. М: Наука, 1981. С. 96-177.

ферма; после женитьбы – счастливая Аркадия¹. Неосознанная в начале новеллы самим Никитиным полнота бытия задана автором в сопряжении «акустического», «одорического», «тактильного»: *«Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха. В городском саду уже играла музыка... Выехали за город и побежали рысью по большой дороге. Здесь уже не пахло акацией и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полем, зеленели молодые рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи. Куда ни взглянешь, везде зелено, только кое-где чернеют бахчи да далеко влево на кладбище белеет полоса отцветающих яблонь»* [Чехов, 1977, VIII: 311]. В запахах, сопровождающих Никитина, – отражение его души, созвучной весенней природе.

Полюсами в парадигме загородного путешествия с амазонками оказываются «вода» и «молоко», причем «сельтерская вода» определяет полюс «западного», тогда как «молоко» – «русского», «сельского»: *«Всадники и их дамы спешили около одного из столиков и потребовали сельтерской воды»* [Чехов, 1977, VIII: 312]; *«Из сада поехали дальше, на ферму Шелестовых. Здесь остановились около ворот, вызвали жену приказчика Прасковью и потребовали парного молока. Молока никто не стал пить, все переглянулись, засмеялись и поскакали назад. Когда ехали обратно, в загородном саду уже играла музыка; солнце спряталось за кладбище, и половина неба была багрова от зари»* [Чехов, 1977, VIII: 312].

И «сельтерская вода», и «молоко» связаны с семантикой здоровья², возможно, поэтому упоминаемое во время путешествия кладбище³ остается вне поля зрения гуляющих: оно не портит настроения, существуя в теневом варианте. Ассоциативно «сельтерская вода» как атрибут курорта, элемент «курортного текста», задает настроение, создает

¹ См. о мотиве заманивания в связи с вегетативным и ольфакторным кодами [Селиванова, 2007: 33]. Архетип запаха восходит к мифу о Душе, так как любой аромат – некая тонкая аура, оболочка. Как указывает А.Ф.Лосев: «Психе в греческой мифологии олицетворение души, дыхания» [МНМ, 1988, II: 344].

² В древности молоко называли «белой кровью», «эликсиром жизни», «источником здоровья», «соком жизни». Гиппократ за 400 лет до нашей эры успешно лечил молоком чахотку, подагру и малокровие... Молоком издавна лечили расстройства нервной системы, органов пищеварения, применяли в качестве противоядия. Как указывает Д. Треснддер, «символы молока и воды, рассматриваемые вместе, олицетворяют, соответственно, дух и материю» [<http://slovo.yaxy.ru/67.html>]. Поэтому в дальнейшем жест отказа от молока читается как приверженность к «материальному», которое здесь приближается по значению к «органическому».

³ У греков молоко связано с орфическими обрядами. Иницируемый символически входил во чрево Матери-Земли, возрождался и получал молоко от ее груди [<http://www.sunhome.ru/journal/12944>]. У христиан образ кормящей Богородицы в иконографии воплощает идею Спасения: ее молоко знаменует священную благодать и будущую крестную жертву Христа [<http://www.sunhome.ru/journal/12944>].

атмосферу молодой беззаботной жизни, «вечной весны»¹. Молоко в фольклорно-мифологической традиции – пища богов, эликсир жизни, символ возрождения и бессмертия². Возможно, с этими значениями связан мотив невыпитого парного молока. «Отказной жест» означает самодостаточность молодости, которой присущ избыток жизни, ощущении жизни как праздника, пира. В этом жесте отозвалась архетипическая семантика молока: молоко – священный напиток в древнеегипетских ритуалах, посвященных воскрешению Осириса³, т.е. связан с мифологемой умирающего / воскресающего божества. Мифопоэтический смысл жеста заключается в следующем: молодость не нуждается в подпитывании и не желает приобщаться к «чужому» знанию⁴.

Неслучайно имя жены приказчика – Парасковья, явно соотносимое с Параскевой Пятницей⁵, которая, согласно фольклорно-мифологическим представлениям, – покровительница домашних животных (ей молятся о сохранении от падежа скота, в особенности от Коровьей Смерти), воды⁶ и т.д.⁷ Святая Параскева почиталась как бабья святая, покровительница женщин, брака и семейного счастья⁸. Так, почти случайный персонаж ведет сюжет на глубинном,

¹ «Зельтерская вода – популярная и распространенная в XIX – начале XX вв. щелочно-углекислая минеральная, газированная вода. Название происходит от деревни Нидерзельтерс, в 5 километрах от города Эмс в Западной Германии, вблизи немецко-голландской границы. В русской и советской художественной литературе часто упоминалась как “зельтерская вода”, неизбежный спутник городской бытовой обстановки в начале XX в. [http://www.langet.ru/html/z/zel5terska8-voda.html]»зельтерская вода³.

² [http://www.sunhome.ru/journal/12944]

³ [http://www.sunhome.ru/journal/12944].

⁴ Кроме того, в ритуалах молоко означает напиток жизни. См. : [http://mirslouvrei.com/content_sim/Moloko-504.html]. Отказной жест – в своем роде отказ от инициации, где молоко используется как символ возрождения. Отсюда смысл эпизода с «молокососом». См. фразеологизм у В. Даля: «У него еще и молоко на губах не обсохло» [http://slovo.yaxy.ru/dic_dal/P100.HTM#15743]. Д. Тресиддер указывает еще на одно значение: «В более широком смысле оно представляло напиток познания или духовную пищу» [http://slovo.yaxy.ru/67.html]. В сюжете «молоко» меняет свою семантику, обретая полярный смысл.

⁵ По-гречески – Параскева.

⁶ Считалось, что Параскева, являющаяся также покровительницей воды; ее образ чудесно являлся на реке или в колодце, вследствие чего вода приобретала целебную силу [http://news.mail.ru/society/3918049].

⁷ См. о Параскеве Пятнице: «Ей издавна молились о сохранении домашних животных; об исцелении тяжелых недугов, как телесных, так и душевных; о защите от нечистой силы; обретении и сбережении семейного благополучия и счастья...» [http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-41099]. Она помогает в случаях дьявольского наваждения [http://www.21vektour.ru/paraskeva_friday].

⁸ Крестьянки обращались к ней с просьбами о даровании детей, об исцелении, о семейном благополучии, а девичьи молились ей о скорейшем выходе замуж и о

архетипическом уровне, символически предопределяя дальнейшее сюжетное поведение Никитина. Так, ферма Шелестовых оказалась спроецированной на будущую молочную утопию Никитиных.

Остановка в пути важна для понимания никитинской рефлексии: доктор, подошедший к молодой компании в загородном саду, удивился моложавости Никитина, приняв его за студента. Оскорбленный Никитин мысленно «озвучивает» произнесенное доктором «обидное» слово («*Что за свинство! – подумал Никитин. – И этот считает меня молокососом!*») [Чехов, 1977, VIII: 312]), сопровождаемое авторским комментарием в форме несобственно-прямой речи: *«Ему чрезвычайно не нравилось, когда кто-нибудь заводил речь об его молодости, особенно в присутствии женщин или гимназистов. С тех пор как он приехал в этот город и поступил на службу, он стал ненавидеть свою моложавость. Гимназисты его не боялись, старики величали молодым человеком, женщины охотнее танцевали с ним, чем слушали его длинные рассуждения. И он дорого дал бы за то, чтобы постареть теперь лет на десять»* [Чехов, 1977, VIII: 312]. «Обидное» для Никитина слово «молокосос»¹ в значении «неразумное дитя», не оторвавшееся еще от матери, – будет в дальнейшем развернуто в сюжетной «молочной» идиллии. Бунт против «молока» проецируется на финальный бунт Никитина против пошлого существования вообще, где «молоко» уже утратит свой «спасительный» и даже позитивный смысл. Однако, экскурс в недавнее прошлое Никитина, выраженный в форме несобственно-прямой речи, оттенен настоящим: обида и желание чудесного взросления моментально забываются: в загородном путешествии даже жест отказа от молока приобретает особый смысл – смирения с возрастом в наслаждении пиром бытия², в открытости «всем впечатлениям бытия».

Эпитет «вкусный» впоследствии будет замещен «сладким». Неосознанное счастье включает вечерние чаепития (*«После прогулки верхом чай, варенье, сухари и масло показались очень вкусными. Первый стакан все выпили с большим аппетитом и молча, перед вторым же принялись спорить»*) [Чехов, 1977, VIII: 313]), плавно перерастающие в ужин, сопровождаемый бесконечными разговорами. «Сладкая жизнь» –

хороших женихах. Как покровительницу брака ее ставили в близком отношении к Покрову [http://www.21vektour.ru/paraskeva_friday].

¹ М. Фасмер подвергает сомнению польское происхождение слова «молокосос», но семантика реконструкции (*molkokostь) интересна: «тот, у кого хлипкие кости» (Отрембский, ZřW 305 и сл.) [http://slovo.yaxy.ru/dic_et/p414.htm].

² В русских народных сказках молоко, наравне с «живой водой», – эликсир молодости: стареющие цари ради омоложения купаются в молоке. Возможно, в словах доктора – зависть к молодости Никитина, которой не почувствовал молодой человек.

это полнота счастья. «Ложкой дегтя» оказывается только одно – ненависть собак, считавших Никитина чужим¹, что впоследствии и проявится.

«Молочный» мотив оформляет «семейное счастье» – «пастушескую идиллию»: «Он не переставая наблюдая, как его разумная и положительная Маня устраивала гнездо... Манюся завела от трех коров² настоящее молочное хозяйство, и у нее в погребе и на погребице было много кувшинов с молоком и горшочков со сметаной, и всё это она берегла для масла...» [Чехов, 1977, VIII: 327]³. Архетип подобной молочной идиллии – рай, земля обетованная⁴. Имя «Мария» – источник историко-культурных ассоциаций. «Королева молочного царства», Манюся соотносится с супругой российского императора Павла I (ассоциации по имени), устроившей в Павловске настоящую молочную утопию: «В первые же годы после основания Павловска здесь были построены мыза и молочня с небольшим скотным двором и огородом “для занятий в нем детей ее высочества”. Императрица, подражая французской королеве Марии-Антуанетте, сама доила коров, ее сыновья, великие князья, “отбивали грядки, сеяли, садили”, а “великие княжны полями, занимались поливкою овощей, цветов и т.д.”» [Винницкий, 2003]⁵. Как показала Н. Сиповская, образ «царственной молочницы» как «персонификация идеи Матери-Природы» – опирался «на мощную античную традицию, восходящую к ионическому культу Афродиты-

¹ См.: «Мушка была маленькая облезлая собачонка с мохнатою мордой, злая и избалованная. Никитина она ненавидела; увидев его, она всякий раз склоняла голову набок, скалила зубы и начинала: «ррр... нга-нга-нга-нга... ррр...» [Чехов, 1977, VIII: 313].

² «Корова во многих древних и архаических религиях символ плодородия, изобилия, благоденствия [<http://feng-shui.peterlife.ru/encyclopedia/mythenc-008.htm>].

³ Пастушеская идиллия вызывает зависть окружающих: «Во время большой перемены Маня присылала ему завтрак в белой, как снег, салфеточке, и он съедал его медленно, с расстановкой, чтобы продлить наслаждение, а Ипполит Ипполитыч, обыкновенно завтракавший одною только булкой, смотрел на него с уважением и с завистью и говорил что-нибудь известное, вроде: – Без пищи люди не могут существовать» [Чехов, 1977, VIII: 326].

⁴ Изобилие библейской «земли обетованной» символизируется тем, что там «течет молоко и мед» [<http://www.sunhome.ru/journal/12944>]. «Молочные реки и кисельные берега» – образ из сказок.

⁵ В период с 1802 по 1805 гг. скромный хутор разросся в обширное хозяйство... Мария Федоровна выписала из разных стран самых породистых коров, создав образцовое стадо, содержавшееся по всем правилам животноводства. Со временем избытки молочных продуктов Фермы по приказанию Марии Федоровны стали от 12 до двух часов пополудни бесплатно предлагать гуляющим в парке (завтрак: хлеб, масло, простокваша, творог, сливки и молоко). Павловскую Ферму посещали как представители Императорского дома, так и иностранные принцы, которые в первой четверти 19 в. часто приезжали в Павловск за дочерьми – невестами. Даже молодой Государь Император Александр I посылал на Ферму Матушки своих специалистов для обмена опытом» [<http://pavlovsk-spb.ru/dostoprimechatelnosti/ferma-imperatriczy.html>].

Млекопитательницы или классическим мифам о Амалтее или млеко Геры, брызги которого обозвали эклиптику Млечного Пути» [Сиповская, электронный ресурс]¹.

Составляющими семейной идиллии становятся «курение» и «рассказывание» («*После обеда он ложился в кабинете на диван и курил, а она садилась возле и рассказывала вполголоса*» [Чехов, 1977, VIII: 326]) – приметы сладкой жизни, услаждения духа и плоти. «Курение» Никитина вбирает в себя и «высокую» рефлексивную семантику (курение – знак философа) и «низкую» (знак усредненности)². «Голос» как инструмент усыпления, погружения в идиллию: говорящая женщина – подобие Шехерезады³, ткущей узор мировой ткани, растягивающей мгновение до вечности⁴.

В Манюсе соединились два мотива – «молочный» и «мышинно-крысиный», обозначив тем самым ее амбивалентную суть. Сам того не подозревая, Никитин, в мечтах ласково придавший любимой девушке териоморфные черты, прочертил неизбежный дальнейший сюжет своей жизни: «*Лежа и глядя в потемки, Никитин стал почему-то думать о том, как через два или три года он поедет зачем-нибудь в Петербург, как Манюся будет провозить его на вокзал и плакать; в Петербурге он получит от нее длинное письмо, в котором она будет умолять его скорее вернуться домой. И он напишет ей... Свое письмо начнет так: милая моя крыса... – Именно, милая моя крыса, – сказал он и засмеялся*» [Чехов, 1977, VIII: 319]⁵. В новелле нет портрета Манюси, но, очевидно, сходство

¹ И. Винницкий, выявляя идеологический подтекст этой исторической утопии и утопии В.А. Жуковского «Овсяный кисель», подчеркивает символически выраженную здесь идею органической (природной) русской монархии, матерински заботящейся о благе и нравственности подданных: «Весьма показательно для поэтической стратегии и идеологии Жуковского “превращение” немецкого оригинала Гебеля в “чисто русскую” идиллию, а немецкой принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской – в “чисто русскую” матушку-царицу» [<http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic.html>]<http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic.html>].

² А. Неминуций и Е. Бородкина показали, как менялась семантика курения в русской литературе: от персонажа-курильщика в литературе 1/3 XIX в., соотношенного с архетипом мыслителя, где курение – знак несуетности, склонности к углубленной рефлексии, до чеховского обывателя, «для которого смысл употребления табака чаще всего перемещается в сферу физиологии, утробных интересов. Неслучайно акт курения в чеховских прозаических опытах почти всегда совмещен с воссозданием процесса еды» [Неминуций. Бородкина, 2007].

³ В словаре синонимов: шехерезада – синоним рассказчицы
[dic.nsf/dic_wingwords/3070/%D0%A8%D0%B5%D1%85%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B0]

⁴ «Прядение» как знак Параскевы Пятницы присутствует имплицитно в манюсином слове.

⁵ Попытка осмысления психологического смысла акта переименования есть у Е.А. Баратынского: «Своенравное прозвание дал я милой....».

с маленьким зверьком заключается в заостренной мордочке и маленьких «крысиных» глазках¹.

«Крысиный» эпизод зеркалит повествование: точкой зрения влюбленного Никитина определяется идиллический тон; упоминание крысы, помимо сознания персонажа, начинает раскручивать сюжет в ином направлении. С этого эпизода начинается сгущение отрицательной семантики. Милые привычки Манюси пока еще не ассоциируются у Никитина с «крысиными». В «крысиной» парадигме оказываются увязанными два эпизода. Первый связан с сыром²: «...*найдя в шкапу заваливающий, твердый, как камень, кусочек колбасы или сыру, говорила с важностью: – Это съедят в кухне. Он замечал ей, что такой маленький кусочек годится только в мышеловку, а она начинала горячо доказывать, что мужчины ничего не понимают в хозяйстве и что прислугу ничем не удивишь, пошли ей в кухню хоть три пуда закусок, и он соглашался и в восторге обнимал ее...*» [Чехов, 1977, VIII: 327]. Незамечаемая Никитиным жадность Манюси позже персонифицируется в «мармеладном» эпизоде.

Второй эпизод – «мармеладный»: «*Когда он пришел домой, Маня была в постели. Она ровно дышала и улыбалась и, по-видимому, спала с большим удовольствием. Возле нее, свернувшись клубочком, лежал белый кот и мурлыкал. Пока Никитин зажигал свечу и закуривал, Маня проснулась и с жадностью выпила стакан воды. – Мармеладу наелась, – сказала она и засмеялась...*» [Чехов, 1977, VIII: 329-330]. Замещение «молока» «водой» здесь знаменательно: это знак предельной сытости.

¹ Именно такой – кошачье-крысиной – предстает Манюся в иллюстрациях С. Тюнина к «Учителю словесности» [<http://www.allchekhov.ru/illustrations/catalog/?workid=7108>].

² Происхождение сыра связывают с рогом изобилия козы Амалфеи, вскормившей самого Зевса. Поэма Гомера «Одиссея» рассказывает, что в пещере циклопа Полифена в корзинах хранится множество сыров, в чашах и ведрах – простокваша. Древнегреческий писатель Лукиан выдумал волшебное море из молока и в нем – остров из огромного сыра, поросший виноградом, а Боккаччо фантазией своего персонажа в одной из новелл «Декамерона» создал сказочную гору из тертого пармезана... Аристотель утверждал, что самый вкусный сыр получается из молока верблюдицы, «вторые места» занимают сыры из молока кобылы и ослицы и лишь затем – маслянистый и жирный сыр из коровьего молока» [<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/469/>]. Источники указывают на следующие факты: некий римский поэт, воспевая в стихах возлюбленную, сравнивал ее вкус со вкусом сыра. Легенды и мифы Древней Греции рассказывают о том, что сыр людей научила делать богиня охоты Артемида. В отличие от Прометея, отдавшего людям огонь, Артемиде за такое предательство секретов богов ничего не было. Впрочем, согласно другому мифу, сыроварению людей обучил Аристей, сын Аполлона и нимфы Кирены. Величие царицы Семирамиды они объясняли ее любовью к сыру, ведь верные птицы воруют его у пастухов и приносят к подножию ее трона. Знаменитый поэт эпохи Возрождения – Франсуа Вийон – завещал своему другу сырное суфле; неизвестно, то ли в шутку, то ли всерьез: он никак не мог допустить, чтобы сыр пропал [<http://www.procheese.ru/world/>].

Метаморфозы «воды» и «молока» присутствуют в истории русской культуры¹. Историко-культурный фон оттеняет неэстетичность Манюси.

«Мармелад» в этом эпизоде – кульминация «сладкой жизни». «Сладкое» отсылает к семантике сада-рая: «яблочный мотив» присутствует в истории продукта. «Мармелад» в точном переводе с французского – тщательно приготовленное блюдо цвета яблока². «Мармелад» в чеховской новелле амбивалентен³: в этом эпизоде второе значение (очищение) актуализирует подтекст – нарастание отвращения Никитина. Мурлыкающий белый кот – своеобразный двойник и заместитель Манюси, ее еще одна териоморфная ипостась, овеществленное удовольствие⁴. Так, мурлыкающий белый кот обретает демоническую ипостась.

Крысиный мотив опирается на фольклорно-мифологическую символику. Традиционно это животное чумы, божьей кары, символизирующее смерть, разложение, подземный мир⁵, разрушение, жадность и т.д.⁶. Как показывают В.Н. Топоров и Вяч. Иванов, «и у восточных, и у южных славян Пятница (святая Петка) связывается с мышами⁷ [МНМ, 1988, II: 357]. Двойственное отношение питается

¹ Так, воспетая А.С. Пушкиным царскосельская статуя «Девушка с кувшином» первоначально выполнялась известным скульптором П.П.Соколовым (1764-1835) на сюжет басни Ж. Лафонтена «Молочница, или Кувшин с молоком» [<http://www.tsarselo.ru/content/0/read112.html>].

² Распространенное теперь во всех европейских языках, название это имеет, однако, древнегреческое происхождение: создано оно на основе двух слов: «мемелеменос» – старательно, тщательно, и «мелопс» – имеющий цвет яблока, «яблокоцветный» [Большой кулинарный словарь. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovo.yaxy.ru/64.html>].

³ Как отмечают авторы Большого кулинарного словаря, мармелад – мощное питательное и одновременно дезинфицирующее средство. На металлургических предприятиях ряда стран в горячих, химических цехах и в условиях повышенной радиации рабочим дают за вредность не молоко, а мармелад как проверенное историческим опытом средство очистки организма» [<http://slovo.yaxy.ru/64.html>].

⁴ Очевидная отсылка к коту Баюну из славянских сказок – чудовищу с волшебным голосом, к которому генетически восходит пушкинский Кот ученый из «Пролога» поэмы «Руслан и Людмила» [Чернинский, 2000].

⁵ В христианстве символ зла, эмблема святого Фимы [<http://moy-bereg.ru/simvolika-zhivotnyih/kryisa.html>]. Их отождествляли с загробным миром, а в христианской традиции – с дьяволом [<http://moy-bereg.ru/simvolika-zhivotnyih/kryisa.html>].

⁶ Крыса считалась символом коварства, низости и злобы. Это отношение к крысам уходит корнями в глубокую древность, когда их появление в городах и деревнях часто сопровождалось эпидемиями чумы. Бессилие людей перед «черной смертью» порождало суеверные представления о могуществе крыс и вызывало страх перед этими грызунами [<http://www.liter.net/act/6-2000/1108gryzun/text/Kotenkova/mythology.html>].

⁷ «Типологически славянские параллели о Пятницы имеют общие черты с таджикской Биби-Сешанби («госпожа вторник»), а также с мифологическими образами женщин,

культурной традицией¹. Так, возникает смысловая ретроспектива: возвращение к Прасковье-Параскеве.

Эпизоды, стянутые «жадным», – невыброшенный кусочек сыра и с жадностью выпитая вода – знаки сладкой женщины и сладкой жизни. Но «сладкое» здесь уже обретает негативный оттенок, архетипически связанный с «крысой». «Крысиное» здесь – в сластолюбии и похотливости²: «крыс» наделили этими грехами древние философы: нидерландский гуманист Эразм Роттердамский, обвиняя их в похотливости, повторяет мнение Диогена³. Мотив заманивания, присутствующий в начале новеллы, выражающийся ольфакторно⁴, отсылает к перевернутому архетипу Крысолова, который увел мышей только потому, что они ошутили запах сыра⁵.

прядущих пряжу судьбы типа греческих мойр, исландских норн, хеттских ткачих» [МНМ, Эл. Версия: <http://enc.mail.ru/article/?1900042585>].

¹ В «крысиной» парадигме два полюса. Как отмечает Е. Котенкова, «маленькие серые зверьки нередко выступают в баснях и сказках как забавные, нередко положительные персонажи» (см. сказку «Оле-Лукойе» Г.Х. Андерсена, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, повесть венгерского писателя И. Фекете «Цин-ни», рассказ А.С. Грина «Крысолов» и др.). Другой полюс – черные силы в волшебной сказке Г.Х. Гофмана «Щелкунчик» выступают в виде многоголового «крысиного короля» и его хвостатой рати, а приключения Буратино начинаются с неприятной встречи со злобной крысой Шушерой. В этом ряду картина художника Флавицкого «Княжна Таракановой» (молодая красивая женщина в сумрачном подземелье наедине с крысами), питающиеся человеческим мясом крысы в рассказах Эдгара По. См. также в архивных материалах о заточении узников в башни Соловецкого монастыря подтверждают, что узники жестоко страдали от крыс. Она же ссылается на труды профессора Г.Г. Фурманова, историка: «В земляных тюрьмах во множестве водились крысы, которые нередко нападали на беззащитных арестантов. Известны случаи, когда они объедали нос и уши у колодников. Давать же несчастным что-либо для защиты строго запрещалось» [<http://www.liter.net/act/6-2000/1108gryzun/text/Kotenkova/mythology.html>].

² Обратим внимание: семантика греховности присутствует в мармеладе, генетически восходящем к яблоку – библейскому архетипу познания.

³ В древнегреческих трагедиях мыши – олицетворение чувственности и вождения. В Британском музее хранится бронзовая статуэтка с Иконии: мышь закрывает мордочку маской силена – существа, бывшего символом сластолюбия в культе Диониса и изображавшегося в виде человека с лошадиным хвостом [<http://www.liter.net/act/6-2000/1108gryzun/text/Kotenkova/mythology.html>]. В христианской Европе крысы и мыши приобрели дурную славу. В начале новеллы упоминается, что Манюся была страстная лошадица и имела кличку Мария Готфруа [Чехов, 1977, VIII: 311].

⁴ См. об этом: [Селиванова, 2004].

⁵ Современные исследования опровергают мнение, что мыши очень любят сыр: «...содержащееся в сыре душистое вещество *лактопердин* (именно оно придает сыру характерный аромат) является для мышей феромоном (сексуальным аттрактантом). Уже в концентрации 10^{-6} г/м³ он полностью парализует их волю, заставляя двигаться в направлении источника запаха. Именно этим современная наука объясняет легенду о крысолове, который смог увести всех мышей из города. Дудочка у него была самая обыкновенная, но внутри находился кусочек исключительно *ядрёного* швейцарского

«Сырный» эпизод сопрягается с эпизодом проигрыша Никитина: к сознанию, что он попал в мышеловку, куда его заманили, Никитина подводит случайно услышанная в момент этого проигрыша фраза том, что у него денег куры не клюют. Далее семейная трапеза отделяется от прежних милых привычек: брезгливость Никитина увязывает воедино «молочное» и «тараканье»: *«Никитин приятно улыбался и помогал Мане угощать гостей, но после обеда пошел к себе в кабинет и заперся»* [Чехов, 1977, VIII: 332]; *«В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском, а он старался не слушать и писал в своем дневнике: “Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!”»* [Чехов, 1977, VIII: 332]. Появление «тараканов» в последней дневниковой записи Никитина рядом с «молочными горшочками» и «глупыми женщинами» также не случайно. Пошлость ассоциируется с физиологическим актом пожиранием пищи. Возвращение в Москву – возвращение к себе, молодому, к свободной холостяцкой жизни, к духовности – к полной противоположности пошлой провинциальной жизни.

«Случай из практики»: «мадера» и «стерлядь»

В сюжете о докторе Королеве, приехавшем к дочери фабриканта, заболевшей непонятной болезнью, эпизод ужина оказывается своеобразным «геометрическим центром» повествования. Ужин, линейно скрепляющий два посещения доктором больной, расподобляет эти посещения. Первое – «профессиональное» – из чувства долга, в нем формальное следование законам этики; второе – просто «человеческое», когда совершенно неожиданно состоялось общения, свершилось соприкосновение душ. Линейность с ее однозначностью взрывается, оказываясь опрокинутой в метафизику. Безрезультатность первого оттеняет результативность второго, причем этот результат важен как для доктора, так и для его пациентки. Именно ужин с его абсолютной незначительностью, оказывается тем толчком для размышлений доктора, когда, прислушиваясь к «большому» миру, он постигает принцип его бытия. Бытовое «открывает» бытийное.

Упоминание вин и блюд в описании ужина конкретизируют впечатление о докторе социальном статусе хозяев. Констатируемое гостем количество закусок и вин и их стоимость – знак роскоши: *«Стол был большой, со множеством закусок и вин, но ужинали только двое: он да Христина Дмитриевна. Она пила мадеру, быстро кушала и говорила, поглядывая на него через рипсе-пез... Похоже, у вас в доме нет ни одного*

сыра, запах которого и привлек грызунов»
[\[http://absurdopedia.wikia.com/wiki/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D1%8C\]](http://absurdopedia.wikia.com/wiki/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D1%8C).

мужчины, – сказал Королев. – Ни одного. Петр Никанорыч помер полтора года и мы одни остались. Так и живем вдвоем» [Чехов, 1977, X: 79], *«К ужину подавали стерлядь, куриные котлеты и компот; вина были дорогие, французские. – Вы, доктор, пожалуйста, без церемонии, – говорила Христина Дмитриевна, кушая, утирая рот кулачком, и видно было, что она жила здесь в свое полное удовольствие»* [Чехов, 1977, X: 80].

Помимо чисто «предметного», «вещного» смысла, упоминаемые вина и блюда – архетипы, несущие культурную семантику, формирующую подтекст. Так, напр., мадера (madeira) – крепкое вино, благородный напиток длительной выдержки¹. Упоминание вина вносит в трапезу налет некоторый карнавальности². В фигуре пьющей не без удовольствия гувернантке обнажен исторический смысл напитка: в истории вина есть «дамский след». Так, некоторые качества мадеры (присутствующие в ее вкусе каленый орешек, легкий карамельный тон и цвет – слабого настоя чая или темно-янтарный) делают ее «дамским коньяком»³. Кроме того, в XVIII в. ароматную и душистую мадеру светские дамы в качестве духов, окуная в нее платочки⁴. Потчующая доктора, а потом утирающая рот кулачком, а не салфеткой гувернантка уже во время ужина вызывает легкое раздражение Королева: он интеллигент, не привыкший к роскоши, живущий своим трудом.

В ситуации ужина персонажи-плебеи занимают место королей: с доктором обращаются как со знатным гостем (так, обыграно его имя – «Королев»), в то время как хозяйка становится какой-то теневой фигурой: ее фамилия – «Ляликова» – приобретает все более и более иронический смысл. «Кукольность», возникшая при первом впечатлении от «фабрикантки» (*«Госпожа Ляликова, полная, пожилая дама, в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрела на доктора с тревогой и не решалась подать ему руку, не смела»* [Чехов, 1977, X: 76]), далее нарастает, повторяясь в

¹ Изначально мадера изготавливалась на лесистом острове, потом из выращенных виноградных лоз. Ма-дейра (в переводе с португальского Madeira – лес). Срок ее выдержки до 150–200 лет. В отличие от сухих вин, у которых есть предел хранения, мадера – «вечное» вино. Так, напр., 12 бутылок урожая 1792 г. из той партии вина, что Наполеон купил по пути на о. Св. Елены, хранятся сейчас в погребе какого-то толстосума, что купил их на аукционе «Кристи» [<http://blogovine.ru/madera>].

² О происхождении мадеры существует древнее предание. Торговец, узнавший, что его товар, привезенный из Индии, вернули, т.к. умер заказчик, пришел в ужас и от отчаяния решил покончить жизнь самоубийством. Но перед смертью ему захотелось попробовать этого самого вина. Открыв одну из бочек и глотнув напитка, торговец понял, что отправляться на «тот свет» ему еще рано. Вино оказалось просто восхитительным [<http://alcochoice.ru/vip-alcochoice/vino/%d0%bc%d0%b0%d0%b4%d0%b5%d1%80%d0%b0/>].

³ [<http://vinosuhoe.ru/6.php>].

⁴ [www.fincasromar.comhttp://www.nalivai.ru/vino/basic_types/Madeira].

мотиве деревянности: *«Доктор и губернантка сидели и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидая»* [Чехов, 1977, X: 76], *«...Он говорил не спеша, надевая перчатки, а госпожа Ляликова стояла неподвижно и смотрела на него заплаканными глазами»* [Чехов, 1977, X: 78]). «Королевский» смысл (мадера – знак роскоши) мерцает в семантике мадеры: есть исторический полулегендарный факт: приговоренному к смертной казни герцогу Кларенскому, брату английского короля Эдуарда IV, позволили выбрать род экзекуции, и он попросил, чтобы его утопили в ванне с мальвазией (сладкая мадера), что и было исполнено в 1478 г. в лондонском Тауэре¹. Устойчивый фразеологизм – «купаться в роскоши» – обретает вещественность в межтекстовых связях.

«Мадера» содержит амбивалентный «наполеоновский след»²: согласно легенде, купленные Наполеоном 600 бутылок мадеры на пути к месту его заточения пути – к острову Св. Елены – должны были развеять уныние павшего героя. Мотив уныния – культурный знак эпохи романтизма, определяющий ее «элегический модус». Так, судьба императора оказывается ассоциативно увязанной с судьбой Лизы Ляликовой – одинокой девушки, раздавленной родовым богатством и злом, которое это богатство в себе заключает.

Вечерняя трапеза несет в себе и «царские смыслы»: известно, что царь Иван Грозный и весь монарший двор, тяготевшие к «рецептам православной кухни», любили полакомиться рыбкой: «Грозный особенно жаловал стерлядь. И предпочтение отдавал северной, знаменитой сизьменской, из которой готовили жирную и питательную уху»³. Кулинарные пристрастия Екатерины II также включали рыбу⁴.

¹ [<http://www.bahys.com/ru/madera/history>].

² Существует исторический анекдот: «На пути к острову Св. Елены, Наполеон, думая о своем будущем приюте, неизменно представлял себе какое-нибудь убожество. Поэтому он передал капитану распоряжение купить ему на острове пайп (около 600 бутылок) мадеры, чтобы как-то оборониться против разлитого в атмосфере уныния. “Кто пьет только воду, у того в животе начинают квакать лягушки” – этой корсиканской поговоркой он прокомментировал капитану свое желание» [<http://blogovine.ru/madera/>].

³ В кулинарных пристрастиях Грозного были странные сочетания: «Сложность царской природы проявлялась и в пристрастии к «зеленому» вину. Хорошенько поужинав стерлядкой, Иоанн, бывало, на утро чувствовал томление духа и расслабление жил. Вот тут и происходил переход от сложности к простоте. Царю подавали простецкие щи со сметками, что способствовало прояснению зрения и утрясению мысли. Дабы с новыми силами управлять разрастающейся державой да держать в повиновении своенравных подданных» [<http://osetr.delfel.ru/index.php/news/43-news-article/147-2010-01-13-06-40-10>].

⁴ «Обед у государыни начинался в час дня. Подавали три или четыре блюда. Среди закусок были заморские яства (устрицы) и традиционные российские (стерлядь, осетр, икра зернистая, балык, а также всевозможные колбасы, буженина)» [<http://osetr.delfel.ru/index.php/news/43-news-article/161-ekaterina>]. Кроме того, в «Приглашении к обеду» Г.Р. Державина упоминается «шекстинска стерлядка».

Упоминаемые куриные котлеты – знаки диетического питания и утонченности. Компот – производное от «райского рая» и его культурный аналог. Именно «стерлядь» и «мадера» запечатлеваются в сознании Королева, превращаясь в знаки неоправданной роскоши.

Гувернантка – как самая образованная из обитателей дома – своеобразный вожатый для доктора Королева. Ее имя «работает» в тексте таким образом, что именно оно в какой-то степени открывает доктору смысл Лизинной болезни. «Христина» – от греческого «посвящённая Христу»¹. «Дмитрий» – происходит от древнегреческого слова «деметрисс», что переводится как – «принадлежащий Деметре» – античной богине земли и плодородия². Сочетание имени и отчества удваивают семантику – дважды посвященная богу. В этом удвоении – скрытый смысл: гувернантка – самый родной человек, член семьи («Так и живем втроем») – но, по сути, приживалка, существующая, как резюмирует доктор, в свое удовольствие. Так, неожиданно актуализируется еще один смысл мадеры – «литературный»: «...уже в XVI веке в пьесе В. Шекспира “Генрих IV” Пейнс утверждает, что Фальстаф продал душу дьяволу в Страстную пятницу “за кружку Мадеры и ножку холодного каплуна”»³. Неслучайно во время ночного уединения Христина Дмитриевна в сознании доктора превращается в символ: она – служительница дьявола, хотя, и невольная⁴.

Раздражение против гувернантки («Ляликова и ее дочь несчастны, на них жалко смотреть, живет в свое удовольствие только одна Христина Дмитриевна, пожилая, глуповатая девица в рпсе-пез. И выходит так, значит, что работают все эти пять корпусов и на восточных рынках продается плохой ситец для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру» [Чехов,

¹ [<http://horo.mail.ru/secret.html?term=334>].

² [<http://imena.orakul.com/child/d/333>]

³ [<http://www.bahys.com/ru/madera/history>].

⁴ Гувернантка по-своему наивна, этим она дублирует свою хозяйку: «...– Рабочие нами очень довольны. На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну чтения с волшебным фонарем, великолепная чайная и, кажется, чего уж. Они нам очень приверженные и, когда узнали, что Лизаньке хуже стало, заказали молебен. Необразованные, а ведь тоже чувствуют» [Чехов, 1977, X: 79] – сообщает она за ужином Королеву. Отметим, что «дорогая мадера» – контраст представлениям доктора о фабрике: «Он родился и вырос в Москве, деревни не знал и фабриками никогда не интересовался и не бывал на них. Но ему случалось читать про фабрики и бывать в гостях у фабрикантов и разговаривать с ними; и когда он видел какую-нибудь фабрику издали или вблизи, то всякий раз думал о том, что вот снаружи всё тихо и спокойно, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, скучный, нездоровый труд рабочих, дрязги, водка, насекомые. И теперь, когда рабочие почтительно и пугливо сторонились коляски, он в их лицах, картузах, в походке угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность» [Чехов, 1977, X: 75].

1977, X: 81]) сменилось сознанием, что она всего лишь «подставная фигура», просто использующая обстоятельства («...она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь всё делается, – это дьявол». И он думал о дьяволе, в которого не верил, и оглядывался на два окна, в которых светился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь» [Чехов, 1977, X: 81-82]). Так, литературные ассоциации превращают «мадеру» в дьявольский топос.

«Невеста»: «жареная индейка» и «чай». Обозначенные пищевые мотивы в новелле – своеобразные ядра, центры, вокруг которых формируются текстовые блоки.

3. Хайнади, рассматривая новеллу, говорит о смещении точки зрения и приеме «остранения»¹. 3. Хайнади, на наш взгляд, несколько утрирует смысл Дома, интерпретируя его как «сытое, но удушливое гнездышко, где постоянно кипел самовар» и «пахло жареной индейкой и маринованными вишнями» [Хайнади, 2004]. «Еда» здесь скорее знак «домашности», «идиллического локуса», в котором ощутимы отзвуки гоголевских «Старосветских помещиков». Запах предвывает «семейный ужин» с его длинными разговорами, готова плавное: «перетекание» Нади из одного статуса в другой в бесконечности жизни.

Кульминацией кулинарного мотива становится упоминание поданного блюда: «Подали большую, очень жирную индейку» [Чехов, 1977, X: 205]. Этот мотив соседствует с другим, зеркалящем драгоценные камни и глаза: «У Нины Ивановны блестели бриллианты на пальцах, потом на глазах заблестели слезы, она заволновалась» [Чехов, 1977, X: 205]. Соприкосновение мотивов меняет их семантику: еда в ее предельном уплотнении обретает некую мерцающую сущность, уводя в подтекст человеческую драму. Мать, играющая на рояле, перечитывающая «Анну Каренину», – своеобразный двойник Нади, нереализованный ее вариант. Так, в подтексте постепенно оформляется мотив разрыва и ухода.

Индейка как блюдо содержит следующие культурные смыслы. Существует поверье: «Индейка на столе – счастье в доме». Индейка

¹ «Роль замены внутренней точки зрения на внешнюю заключается в том, чтобы девушка увидела привычное с непривычного горизонта, потому что автоматизм препятствует созерцанию действительности в ее истинной сущности. Внешняя точка зрения снимает автоматизм процесса восприятия, извлекает события и явления из привычных соотношений и ставит их в совершенно другие, делая их тем самым заново ощущаемыми. Внешняя точка зрения ставит привычное в новое освещение, выводит девушку из привычного автоматизма, встряхивает от повседневного обмана чувств. Она вывертывает наизнанку то, что до сих пор вследствие оптического обмана виделось в другой рефракции и придает повседневному более глубокий смысл...» [Хайнади, 2004]. На наш взгляд, этот прием аналогично «работал» и в рассмотренных выше произведениях.

связана с праздниками календарного цикла: в некоторых странах индейка – запретное блюдо на Новый год и Рождество; считается, что вместе с крылатой трапезой из дома может улететь благополучие¹. «Рождественский» смысл индейки² предопределяет развитие сюжета. Молодое поколение, свободное от веры, не соблюдающее обрядов, лишено благополучия в традиционном смысле. «Индейка», включаясь в «литературный быт»³, оттеняет «некнижность» молодых, отсутствие в них изящества, артистизма, гурманства⁴.

Эпитет «жирный» эксплицитно скрепляет два эпизода. Отнесенный к сливкам, которые пьет вернувшаяся блудная дочь, он

¹ Однако жители Старого и Нового Света уверены в обратном. Для них индейка – символ праздничного стола» [http://newsru.com/world/24nov2005/turkey_print.html]. «Индейка» отсылает к американской истории. В 1621 г. английские эмигранты – колонисты Плимута – отметили окончание сбора первого урожая празднованием Дня благодарения Господа за обретение новой родины – колонисты и индейцы зажарили и совместно съели четырех индейек, подстреленных в ближайшем лесу. Уже в 1863 г. президент Линкольн объявил День благодарения (последний четверг ноября) официальным праздником США, а отмечать его жареной индейкой – часто с клюквенно-апельсиновым соусом – стало национальной традицией [<http://koolinar.ru/collection/comments/1436>]. Индейка ценится как низкокалорийный продукт: по сравнению с другими видами мяса, индейка содержит минимальное количество жира [http://newsru.com/world/24nov2005/turkey_print.html].

² В России тоже верили в примету об «улетающем счастье», по этой причине гвоздем рождественского застолья долгое время считался поросенок с кашей. Только к середине XIX века примета оказалась преданной забвению, и сына почтенной хавроньи попытались вытеснить знаменитый гусь с яблоками и фаршированная индюшка» [<http://koolinar.ru/collection/comments/1436>].

³ В «Большом кулинарном словаре», созданном А.Дюма, имеется рекомендация: «...чтобы получить истинное наслаждение от запеченной индюшки, начать следует с архиерейского носа». Под таинственным «носом» писатель подразумевал вовсе не клюв, а нежное мясо с двух сторон возле гузки. По мнению Дюма, индейских кур знали в Европе задолго до того, как одомашненных индюшек в середине XVI в. привезли из Нового Света конкистадоры. Впрочем, птицы эти были хорошо известны еще древним грекам, которые называли их мелеагридами в честь македонского царя Мелеагра. Дюма писал и о том, что древние римляне особо почитали индейек и разводили их в специальных птичниках. Однако существует и другое мнение – мясо индюшек, привезенных из Америки, европейцы впервые попробовали лишь в XVII веке, и только сто лет спустя их стали разводить в большинстве европейских стран» [<http://koolinar.ru/collection/comments/1436>]. Существует анекдот: «Однажды Александр Дюма подслушал в гостинице забавную беседу двух постояльцев. «Мы только что насладились огромной индейкой: начиненная трюфелями до самого клюва, нежная, как цыпленок, сочная и ароматная, она была великолепна!» – произнес один из них. «Сколько же вас было?» – спросил другой. «Двое, мсье, – только я и индейка!» Великий писатель, знавший толк в кулинарии, признался позже, что съесть большую индейку в одиночку совсем несложно – особенно если она отменно приготовлена» [<http://koolinar.ru/collection/comments/1436>].

⁴ При этом постоянно подчеркивается красота Саши: мужской вариант пушкинской чахоточной дeвы.

оттеняет само возвращение: *«И обедала хорошо, и пила чай со вкусными, жирными сливками, но чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки»* [Чехов, 1977, X: 218]. Очевидно, что это не пустота пространства, а пустота души, которую невозможно заполнить плотским. Но есть имплицитная связь эпизодов: «жирная индейка» ассоциативно отзовется в интерьере нового дома – в картине: *«На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой»* [Чехов, 1977, X: 210]. Иронична фамилия провинциального художника, которую уважительно вздохнув, называет жених, – Шишмачевский, содержащая в основе «шиш» – в просторечии – «ничто». Вызывающий зависть успешный художник «слома» судьбу Андрея Андреича. В динамичной точке зрения Нади (именно ею организован сюжет) меняется эпитет, отражающий смещения: «нагая дама с вазой» – в момент бегства из города; «голая дама с вазой» – вспоминается в Москве в гостях у Саши. Дама на картине – символ провинции, для которой любая мазня – шедевр. Смысл замещения эпитета («книжное» на «просторечное», более точно выражающее суть) – в обнажении неоднозначности: с одной стороны, провинциальная игра в искусство, с другой – глухота Нади к этому непонятному искусству.

Спокойное течение провинциальной жизни в начале новеллы – в череде обедов и ужинов: *«А в два часа сели обедать. Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ и леца с кашей... Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и свой скоромный суп и постный борщ. Он шутил всё время, пока обедали, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как сострить, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые, пальцы и когда приходило на мысль, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете; тотчас становилось жаль его до слез»* [Чехов, 1977, X: 207]. Саша как нарушитель и разрушитель устоев «бунтует» поглощением пищи, смешивая одно с другим, совершая грех. В карнавальном смещении традиций развитие событий задано именно блюдами: морской лец традиционно символ удачи¹. Однако, в «карнавальном» поведении шута Саши, в его несостоявшейся попытке переворота – свой трагикомизм: бунтарь вызывает слезы жалости.

Рыбный мотив отсылает к мифологии², с одной стороны, к христианской традиции¹, с другой – к фольклорной². В новелле –

¹ [<http://vasily-sergeev.livejournal.com/1145317.html?thread=12056037>].

² «Рыба» включает сексуальный смысл (рыба у греков – атрибут Афродиты; по легенде, столбавый гигант Тифон, сын Геи и Тартара, напал на богов Олимпа, те ради спасения стали превращаться в различных животных – Афродита же стала рыбой; римляне обычно ели рыбу по пятницам, этот день получил название «Венерина»), хтонический (символизирует силу вод, как источника жизни и ее хранителя; как элемент воды, связывается со всеми аспектами Богини Матери как прародительницы и со всеми

инверсированный сюжет этой повести: негласное соперничество – скрытый мотив чеховского сюжета.

Между фразой «хорошо тут у вас» и неожиданным решением Саши уехать – соблазн, завершившийся окончательным разрывом с провинцией: «*Саша в середине июня стал вдруг скучать и засобирался в Москву. – Не могу я жить в этом городе, – говорил он мрачно. – Ни водопровода, ни канализации! Я ест за обедом брезгаю: в кухне грязь невозможнейшая...*» [Чехов, 1977, X: 209]³. Так, «жирная индейка» оказалась перевернутой в восприятии «московского гостя». В «брезгливости» Саши скорее неприятие им мира провинции в целом, чем конкретно гостеприимного дома. Жест разрыва имеет подтекст.

Чаепитие – лейтмотив новеллы – скрепляет «провинциальные» и «московские» эпизоды: «*Саша всё еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз*» [Чехов, 1977, X: 205]⁴. В черновых вариантах чаепитие продолжается в вагоне: «*Потом Саша всю дорогу пил чай и говорил без конца...И все говорил в таком роде, и с ним было скучно. Но, напившись чаю и убирая стаканы, он выдумывал что-нибудь смешное, и тогда становилось весело*» [Чехов, 1977, X: 292-293]. Неэстетичные московские чаепития в эпизоде гощения Нади у Саши натуралистичны: «*Посидели в литографии, где было накурено и сильно, до духоты пахло тушью и красками; потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух*» [Чехов, 1977, X: 216]⁵. Чаепитие сопровождает

лунными божествами; в богослужении Адонису рыба была приношением для мертвых; в Древней Греции бытовало поверье, что души умерших могут переселяться в рыб) [<http://www.simbolarium.ru/simbolarium/sym-uk-cyr-t/cyr-t/ro/tjba>].

¹ См.: [МНМ, II: 393].

² См., напр., «Повесть о Ерше Ершовиче», где Лещ, житель Ростовского озера, обвинил Ерша в самозваном захвате пространства.

³ Несколько ранее: «*Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы...*» [Чехов, 1977, X:203].

⁴ Указание «по-московски» имеет под собой основания. Как указывает В. Похлебкин, «...вплоть до конца XVIII века чай продавали только в Москве... На протяжении XIX в. Москва оставалась хотя и не единственным, но доминирующим распределительным рынком чая в европейской части России. Даже в столицу, в Петербург, чай завозили из Москвы... В Москве по-настоящему ценили и любили пить чай. Так, уважительное выражение «москвичи-чаёвники», смысл которого был хорошо понятен ближайшим соседям Москвы в центрально-русских областях, трансформировалось в пренебрежительное «москали-водохлёбьи» у населения Украины, Среднего Поволжья, Донщины, т.е. у украинцев и казаков, отождествлявших питьё чая с питьём воды, поскольку в этих районах даже в XIX в. о чае знали только понаслышке [Похлебкин, <http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37>].

⁵ «Мухи» скрепляют два эпизода – в московской комнате Саши, где его навещает Надя («...и на столе и на полу было множество мертвых мух» [Чехов, 1977, X: 216]), и в

и «прощальный» эпизод: *«Поговоривши, поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками; а когда поезд тронулся и он, улыбаясь, помахивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен и едва ли проживет долго»* [Чехов, 1977, X: 217]. То, что Саша угощает чаем и яблоками не дома, – знаки бродяжьей, неустроенной жизни.

Лейтмотив несет в себе несколько смыслов. Слово «чай», как указывает В. Похлебкин, значит «молодой листочек»¹. Так, включается в новеллу скрытый эротический смысл². На мифопоэтическом уровне смысл чаепития раскрывает древняя легенда о том, что это растение выросло из брошенных на землю век одного китайского святого, который отрезал их после того, как заснул во время молитвы, и, разгневанный на самого себя, захотел, чтобы у него никогда не слипались глаза³. Саша в новелле, обеспокоенный судьбой Нади, – нечто вроде сторожевой тени. Чай включает и другие смыслы: социальный смысл⁴ и апотропеический⁵.

Библиографический список

1. Большой кулинарный словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovo.yaxy.ru/64.html>. – Загл. с экрана.
2. Винницкий, И. Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» / Винницкий И. // Новое литературное обозрение. – 2003. – №61. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic.html><http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic.htm/> – Загл. с экрана.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1976. – С. 333-334.

доме вернувшейся в родной город Нади (*«Было много мух в доме, и потолки в комнатах, казалось, становились всё ниже и ниже»*) [Чехов, 1977, X: 218]. Брезгливость Саши почему-то не охватывает его жилья в Москве, а вернувшуюся домой Надю гонят мухи. Мухи – знак похоти, удвоения, знак русской жизни вообще.

¹ [<http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37>].

² Смотрины невест в дворянском быту обязательно включали чаепитие.

³ До сих пор в китайском и японском языках для обозначения век и чая употребляют один и тот же иероглиф – Похлебкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37>.

⁴ «Крестьянское население России вплоть до самой революции крайне мало потребляло чай, считая его недоступным предметом роскоши, прихотью, требующей и свободного времени, и немалых затрат на покупку самовара, чайной посуды, сахара. Вот почему большинство крестьянского населения России, особенно в европейской части, не умело ни приготовить, ни правильно пить его, «балуясь чайком» только по праздникам, при посещении городов, в трактирах» – Похлебкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37>.

⁵ Как указывает Е. Фарыно, «на мифопоэтическом уровне оказался апотропеическим – избавляющим от злых сил, от наваждения» [Фарыно, 1992: 129].

4. Котенкова, Е. Мыши и крысы – героин фантастических историй и легенд / Е.Котенкова // Грызуны в литературе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liter.net/act/6-2000/1108gryzun/text/Kotenkova/mythology.html>. – Загл. с экрана.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. II. М.: Советская энциклопедия, 1988. –719 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Электронная версия: <http://enc.mail.ru/article/?1900042585>. – Загл. с экрана.
6. Неминуший, А., Бородкина Е. «Янтарь в устах его дымится...»: К семиотике мотива курения в русской литературе XIX века / А. Неминуший, Е. Бородкина // Звезда. – 2007. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/4/ne13.html>. – Загл. с экрана.
7. Похлебкин, В.В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. Все рецепты В.В. Похлебкина. – М.: Центрполиграф, 2010. – 974 с.
8. Похлебкин, В.В. Чай / В.В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2007. – 206 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37>. – Загл. с экрана.
9. Селиванова, И.Н. Растительный код в новелле «Учитель словесности» / И.Н. Селиванова // А.П. Чехов: варианты интерпретации. – Барнаул: БГПУ, 2007. – С. 33-47.
10. Сиповская, Н. Царственная молочница / Н. Сиповская // Пинакотека. Журнал для знатоков и любителей искусства. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pinakotheke.artinfo.ru/n2/2sipov.htm>. – Загл. с экрана.
11. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovo.yaxy.ru/67.html>. – Загл. с экрана.
12. Хайнади, З. Сад как архетипический топос у Чехова / З. Хайнади // Slavica XXXIII. Kossuth Egyetemi Kiado, Debrecen, 2004. 217–229. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newruslit.ru/for_classics/chekhov/Hajnady2/view. – Загл. с экрана.
13. Чернинский, А.М. Териоморфная маска автора-рассказчика в Прологе поэмы «Руслан и Людмила» / А.М. Чернинский // Культура и текст-99: Пушкинский сборник. – СПб.; Самара; Барнаул, 2000. – С. 5-12.
14. Чехов А.П. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974 – 1983. Т. VIII. – М.: Наука, 1977. – 527 с.; Т. X. – М.: Наука, 1977. – 495 с.
15. Фарыно, Е. Клейкие листочки, уха, чай, варенье и спирты (Пушкин – Достоевский – Пастернак) / Е. Фарыно // Традиции и новаторство в русской классической литературе (Гоголь, Достоевский). – СПб.: Образование, 1992. – С. 123-177.

16. Фасмер М. Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovo.yaxy.ru/dic_et/p414.htm. – Загл. с экрана.
17. Федосова, Ю.В. Рассказ А.П. Чехова «Невеста» в системе реально-исторических и мифологических координат / Ю.В. Федосеева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – № 2.
18. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
19. Шмид, В. Проза как поэзия / В. Шмид. – М.: Инапресс, 1998. – 352 с.

Использованы материалы сайтов:

<http://absurdopedia.wikia.com/wiki/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D1%8C>; <http://alcochoice.ru/vip-alcochoice/vino/%d0%bc%d0%b0%d0%b4%d0%b5%d1%80%d0%b0>; <http://blogovine.ru/madera>; <http://www.fincasromar.com>http://www.nalivai.ru/vino/basic_types/Madeira; <http://feng-shui.peterlife.ru/encyclopedia/mythenc-008.htm>; <http://horo.mail.ru/namesecret.html?term=334>; <http://imena.orakul.com/child/d/333>; <http://koolinar.ru/collection/comments/1436>; <http://www.langet.ru/html/z/zel5terska8-voda.html> >зельтерская вода; http://mirslovarei.com/content_sim/Moloko-504.html; <http://moy-bereg.ru/simvolika-zhivotnyih/kryisa.html>; <http://news.mail.ru/society/3918049>; http://newsru.com/world/24nov2005/turkey_print.html; <http://osetr.delfel.ru/index.php/news/43-news-article/147-2010-01-13-06-40-10>; <http://osetr.delfel.ru/index.php/news/43-news-article/161-ekaterina>; <http://pavlovsk-spb.ru/dostoprimechatelnosti/ferma-imperatriczy.html>; <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-41099>; <http://vinosuhoe.ru/6.php>; <http://www.bahys.com/ru/madera/history>; <http://www.sunhome.ru/journal/12944>; http://www.21vektour.ru/paraskeva_friday; <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic.html><http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/vinnic>. <http://www.procheese.ru/world>; <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/469>; <http://www.tsarselo.ru/content/0/read112.html>